

Татьяна Первушина

Умереть дважды, или Чешский дневник

*Не все герои и
события в этом романе
вымышлены. Совпадения
не случайны.*

*Воздавай добром за
добро, а за зло —
справедливостью
(Конфуций).*

Глава 1. Приглашение

— Ну, куда вы обе так несетесь? До отхода поезда еще целых сорок минут! — пытался урезонить нас с Маргошей мой супруг Дмитрий. Обвешанный с головы до ног чемоданами, сумками, пакетами и всевозможными кулечками, он, словно дромадер, тяжело пыхтя, плелся по перрону позади нас. Поскольку руки Димки были заняты, а неизменная сигаретка все же торчала изо рта, то еще при этом ему приходилось еще и

сердито сдувать пепел с сигареты.

Зная, как я «люблю», когда он курит, тем более «на ходу» (потому что ветер относит весь дым мне в лицо и прогулка превращается в каторгу), на этот раз Димка все-таки закурил. Значит, сильно нервничал.

Еще бы! Он-то оставался в Москве, а мы с моей подругой, Маргошей, уезжали на целых две недели в Прагу.

Погостить в столице Чехии меня пригласила давняя подруга, Лана Бабанова, с которой мы дружили еще со школьной скамьи. Так уж сложилось, что лет десять назад она вышла замуж за «нового русского» и вскоре, по распоряжению мужа, уехала вместе с маленьким сыном и собакой на ПМЖ в Чехию. Чтобы не прерывать дружбы, мы частенько перезванивались с Ланой. А иногда я даже приезжала к ней в гости и наслаждалась жизнью в ее шикарном просторном доме, расположенном в одном из самых престижных районов Праги, «Прага-6», считающейся заповедной зоной, так как там можно запросто встретить «непуганых» зайца или косулю.

Злата-Прага не зря признана одной и самых красивых столиц мира. Это поистине город-чудо, город-мечта, город-сказка. И волшебство этого старинного чешского города состоит не только в невероятной красоте и самобытной величавости

средневековой архитектуры, чистоте узеньких вымощенных камнем улочек, изяществе и неповторимости бережно сохраненной природы прямо в городской черте, но и загадочном музыкальном звучании каждого уголка.

В Прагу со всех концов света сотнями стекаются музыкальные таланты. Кто не присутствовал на ночных концертах прямо посреди шикарно освещенной Вацлавской площади, много потерял...

Но, помимо самых известных классических мелодий, душа каждого туриста, посетившего Прагу, сразу же начинает слышать особую, полную таинственности, мелодию. Сначала словно сказочные колокольчики робко перекликаются с задумчивой старушкой-скрипкой, которая старается что-то вспомнить, но, в силу своего преклонного возраста, никак не может этого сделать. Скрипке пытается помочь виолончель, настойчивые звуки которой периодически сменяют еле слышные гудки фагота. К этой славной компании подключаются альты и вдруг воздух просто разрывают на части радостные крики фанфар. И начинается праздник волшебства: душу охватывает ни с чем не сравнимый восторг. Так, наверное, радовалась Золушка, подъезжающая в сказочной карете ко дворцу короля, на балу у которого ей суждено было встретить и полюбить прекрасного принца...

О Праге, навсегда завоевавшей мое сердце, я могу говорить часами... Но сейчас, пожалев читателя, мне придется временно отложить свои детские восторги и постараться объяснить истинную цель нашей поездки, а также то, почему я взяла с собой Маргошу.

Маргоша — моя незаменимая подруга, мой «оруженосец», мой верный «Санчо Панса». На самом деле ее зовут Маргарита Пучкова, но мы с мужем привыкли называть ее «Маргошей», и она справедливо воспринимает это как дружеское признание.

Надо сказать, что до недавнего времени друзей у Маргоши было всего только двое: я и... она сама. Наверное, так уж распорядилась судьба, что еще каких-то полгода назад Марго была зла на весь свет, полностью разочарована в своих знакомых и практически индифферентна: она потеряла работу, а вместе с ней и интерес ко всему окружающему.

Именно в таком плачевном состоянии Маргарита и посетила меня в ноябре прошлого года¹. К ее маме тогда приехали в гости родственники из дальнего сибирского городка. Поэтому пребывание Маргоши в однокомнатной

¹ См. детектив «Долг шантажом красен».

квартире (хотя и улучшенной планировки) осложнилось невозможностью пролеживать бока целый день на любимом диване. И Маргоша тут же приехала к своей лучшей подруге — Яне Быстровой, то есть ко мне.

В то время я тоже не работала. Правда, в отличие от Маргоши, я решила «осесть дома» по собственному желанию, возникшему после долгих и мучительных размышлений на темы «Всех денег не заработать», «Не в деньгах счастье», «Нервные клетки не восстанавливаются», «Как плохо, когда твой начальник, увы, жаден, глуповат и недальновиден» и т. д.

Поняв, наконец, что честным путем богатства не наживешь, и что каждому бизнесмену невыносимо тяжело делиться с подчиненным зарплатой, так как «деньги, в первую очередь, нужны самому», я приняла, пожалуй, одно из самых правильных в жизни стратегических решений и уволилась окончательно и бесповоротно.

Мой муж Дмитрий тогда несказанно обрадовался моему решению. И, конечно, на то у него были две вполне весомые причины. Во-первых, как он справедливо полагал, теперь дома его всегда должен ждать вкусный обед (ужин), приготовленный улыбчивой женой. А во-вторых, и это, на самом деле, с его точки зрения, самое главное: я, наконец, перестану терзать его нервы

своим нытьем о бездарных и жадных начальниках, об интригах на работе и о моей бесконечной борьбе с «ветряными мельницами». Он так прямо мне и сказал:

— Янусик! Я страшно рад, что ты перестанешь мотать на кулак свои и мои нервы. Отдыхай, дорогая. Читай, гуляй, отсыпайся, а главное — не нервничай.

Но бедный Димка даже не догадывался тогда, до чего может меня довести сидение дома. Вы не поверите: я стала частным детективом!

Началось все с того, что я однажды поздним осенним вечером дала подруге детства изрядную сумму займа. А кончилось тем, что меня чуть было не убили, но я все же сумела раскрыть цепь ужасных преступлений и даже поймать убийцу. И мне во всем тогда помогала верная Маргоша. Надо сказать, что именно ей я и обязана своим спасением. Но сейчас я не хочу возвращаться к той грустной истории о людской жадности и предательстве.

Вспомнила я об этом только потому, что непосредственное участие в расследовании и подвигло нас с Маргошей объединить усилия и стать частными сыщиками, вернее «сыщицами». А получить в кратчайшие сроки лицензию на частную сыскную деятельность нам помог армейский друг моего мужа, следователь прокуратуры Олег

Сергеевич Соловьев, с которым мы с Марго в силу сложившихся обстоятельств и познакомились.

Детективами мы с Маргошей зачитывались с детства. И к настоящему времени «перелопатили» почти всю классику жанра, а также современного калейдоскопа творений «молодых авторов». И вот после того весьма удачного расследования, проведенного нами, по счастью, параллельно с милицией, мы дружно решили, что вполне определились с новым хобби: искоренять преступность и, по мере сил и возможностей, помогать людям, попавшим в беду.

В результате недолгой, но довольно-таки нудной беготни по инстанциям нам с Маргошей были выданы удостоверения о том, что мы теперь частные детективы, причем с правом ношения оружия. Правда, метко стрелять мы так и не научились, несмотря на то, что по требованию Соловьева исправно ходили тренироваться в тир. Но я очень надеюсь, что сие умение нам никогда и не понадобится. Право ношения оружия, согласитесь, придает солидности в глазах собеседника, когда он натывается на эту строчку в удостоверении «частного сыщика», внешне и так очень напоминающем «корочки» сотрудника милиции, а в остальном...

Нынешняя наша «гостевая» поездка в Прагу была predeterminedена просьбой Ланы Бабановой

помочь ее подруге, оказавшейся в весьма затруднительном положении. Ланы пошутила, что слух о наших с Марго подвигах докатился и до центра Европы (коим, в силу географических особенностей, и является столица Чехии). По телефону она особенно не вдавалась в подробности, многозначительно пообещав ввести меня в курс дела по прибытии в Прагу. Сказала только, что Алла Турзицина (ее подруга) очень просит меня поторопиться с отъездом из Москвы и с удовольствием возьмет на себя все расходы, связанные с моим пребыванием в столице Чехии.

Услышав такое лестное предложение, но, тем не менее, поняв, что дело, видимо, не касается выгула Турзицинского питбуля по расписанию, я не растерялась и попросила Лану узнать, не могу ли я взять с собой Маргошу. Ответ на удивление пришел быстро и был положительным.

— Да Алка только обрадовалась, — приободрила меня Лана по телефону, — сказала, что чем больше народу, тем лучше.

Слегка удивившись загадочному ответу Турзициной, я, тем не менее, поспешила обрадовать Маргошу тем, что ей в ближайшее время предстоит путешествие в Прагу, причем не за свой счет.

— Во как! — удивилась Марго. Но и этой фразы толстухи вполне было достаточно для

выражения счастья.

Некоторое время Маргарита, видимо, не ожидавшая ничего подобного, все же мне не верила и сомневалась в том, что и ее будут рады видеть мои «подруги-миллионерши».

— Может быть, ты меня все-таки разыгрываешь? — недоверчиво бубнила она в телефонную трубку, сонно позевывая.

— Хватит спать! — рассердилась я. — Давай-ка, живо собирай вещички и ко мне с чемоданом! Я уже билеты заказываю.

Маргоша немедленно хлопнула трубку и побежала собираться в дорогу.

Все необходимые формальности, связанные с оформлением проездных документов, были решены в течение ближайших трех дней. Алла Турзицина, в соответствии со своим социальным статусом, имела везде «своих людей», а самое главное — кучу денег, которая, как ни парадоксально, не только не уменьшалась с годами, а наоборот, все увеличивалась. Поэтому уже через три дня после звонка Ланы Бабановой, поздно вечером, мы втроем — я, Маргоша и Димка (в качестве провожающей стороны) неслись по перрону Белорусского вокзала.

Глава 2. В пути

— Надеюсь, твоя мама напекла нам в дорогу пирожков? — грозно спросила я Маргошу, когда мы, тяжело дыша, уже сидели в вагоне.

— Обижаешь, подруга, — ответила Маргоша. — Она весь день простояла у плиты. Вот здесь, например, только еда.

Я обратила взор в направлении увесистой сине-белой сумки, на которую показывала пухлым пальчиком Маргоша, и присвистнула от изумления. Когда я увидела этот баул еще на вокзале, то была уверена, что запасливая подруга решила взять с собой теплую одежду — на случай непредвиденных заморозков. В первую свою поездку в Чехию я тоже тащила много ненужного барахла, в том числе и шубу, от которой потом не знала, как избавиться. В Чехии почти все время тепло, в марте уже цветут вишни и яблони, и однажды мы даже встречали Новый год в туфлях, а наши «русские» детишки гоняли по зеленой траве, взрывая петарды вокруг дома.

Но в Маргаритиной увесистой сумке действительно оказалась только провизия. Ее мама была шеф-поваром в одном из известных столичных ресторанов и к делу отнеслась серьезно.

— Ну, ладно, много не мало, — разумно

оценила обстановку я, — все-таки две ночи и целый день трястись в поезде — пожалуй, к Праге все и осилим.

Никто из моих знакомых до сих пор не может понять мою странную прихоть: трястись почти двое суток в пыльном и душном поезде. Все они лишь посмеиваются надо мной. Им-то легко — они не боятся самолетов. А я, признаться, считаю, что нет ничего страшнее самолета. Только не надо думать, что я ни разу не летала. Летала. Еще как! В детстве моя мама часто возила меня на отдых в писательский дом отдыха в Гаграх. Хоть я и была тогда, кажется, первоклашкой, и то помню, как однажды наш самолет чинили прямо в воздухе, почти как в фильме «Экипаж».

С тех пор у меня было еще две-три запоминающиеся поездки на наших отечественных самолетах, после которых я и приняла торжественное решение: никогда и ни за какие блага мира не садиться в железное корыто, называемое самолетом, и одному Богу известно, как поднимающееся в воздух.

Первый каверзный случай произошел, когда я на «Ту-134» подлетала к Симферополю. Стюардесса бодрым голоском сообщила нам, что самолет готовится совершить посадку в аэропорту; в Симферополе жара стоит около тридцати градусов, а за бортом температура не превышает

минус двадцати. Внезапно из-под потолка на удивленных пассажиров стал клубами валить какой-то белый пар. Я заметалась в кресле. Лица пассажиров словно окаменели, а мужчина на соседнем кресле читал газету «задом-наперед», то есть в перевернутом состоянии, и не реагировал на мои вопросы. Тогда я тихонечко стала подвывать от ужаса и махать руками, призывая бортпроводницу подойти ко мне.

Невозмутимая стюардесса на мой вопрос, что происходит с самолетом, не моргнув глазом, словно в «Шести кадрах», ответила загадочной фразой: «Ничего страшного. Это конденсат. Пристегните ремни. Скоро будем садиться». Насколько я знаю, самолет должен быть герметичен, и любой «конденсат» в салоне исключен. Стоит ли говорить, что из Симферополя в Москву я возвращалась на поезде...

Во второй раз меня понесла нелегкая в трехдневное путешествие в столицу Армении, Ереван. Была такая «фенечка» в советские времена: сотрудники какого-нибудь предприятия расслаблялись «по профсоюзной линии» в короткой турпоездке по просторам СССР. В основном путешествие совершалось в выходные дни, чтобы не сильно ослаблять трудовую деятельность.

Стоила такая поездка совсем не дорого, и все были довольны, в том числе и родственники

«туристов», которым привозились каждый раз остродефицитные сувениры...

Прекрасно помню, как мы сначала летели над ночным Тбилиси: огоньки городской иллюминации в виде крестов и других геометрических фигур выглядели очень красиво. Мы летели на аэробусе «Ил-62», поэтому ощущений болтанки не было. Мощное железное корыто как будто повисло в воздухе, и я расслабилась и даже иногда поглядывала в иллюминатор. Поэтому страшно удивилась, когда огоньки на земле вдруг исчезли, и внизу опять образовалась темнота. Вдруг где-то под моими ногами раздалось «Бух-бух-бу-бу-бух!»

— Мама! — заорала, что есть мочи, я.

— Дурочка! — услышала я рядом женскую речь с сильным акцентом, — чего ты орешь?! — Это он шасси выкинул!

От ужаса не поняв, кто такой «он» и зачем, а главное, куда он выкинул какие-то «шасси», я обмякла и провалилась в полуобморочное состояние, из которого была выведена коллегами по работе, которым достались места не в середине аэробуса, а в хвосте:

— Яна! Просыпайся! Мы уже выходим.

Ну и в третий раз, когда мне было что-то уже около тридцати, я летала на малюсеньком частном самолетике, кажется, «Як-40». Наш шеф повез отдохнуть на три дня весь немногочисленный

трудо­вой коллектив на Цимлянское водохранилище. И чтобы никто не нервничал, так как некоторые сотрудники, подобно мне, побаивались летать, попросил загрузить в хвост самолета ящики с горячительными напитками.

Поездка мне очень понравилась. Виски расслабили всех, коллективу разрешено было курить в самолете. Откуда ни возьмись, появился аккордеон, начались танцы, песнопения. На «болтанку» никто не обращал внимания. Обстановка была самая что ни на есть домашняя.

На следующий день я узнала, что самолет на дозаправку в Волгограде посадила наша кассирша Татьяна, которая до этого вообще никогда не летала, разве что во сне. Просто командир корабля объяснил ей, как управлять самолетом при помощи автопилота, и непьющая Танька с честью справилась с поставленной задачей. Слава богу, она оказалась понятливым «пилотом», с устойчивой психикой, а иначе бы... Но тогда я думала, что всему виной спиртное, и мне просто кажется, что в салоне с нами лихо распевает песни весь экипаж...

Вот почему я не летаю на самолетах. А теперь, как сообщают в «Новостях», их детали еще и изна­сились безмерно, и даже иногда заменяются на контрафактные. Поэтому я и предпочитаю

«летадлу»² «рыхлику»³ и не собираюсь менять свое предпочтение никогда и ни за какие коврижки!

...Оставалось всего несколько минут до отправления поезда «Москва-Прага». В вагон изредка проникал голос девочки-подростка, которым вещал громкоговоритель на вокзале. Разобрать ничего нельзя было, лишь изредка вполне четко произносились слова: «поезд номер...», «в случае обнаружения...», «отправится с... пути», «к дежурному милиционеру...». Посмотрев на часы, Димка посуровел и начал давать «ц.у.»:

— На ночь обязательно запирайте дверь, купе вдвоем не покидайте — вещи сохраннее будут. Документы держите при себе. Как приедете, сразу отзвонись мне. Ясно?

— Ясно, ясно, — закивала и, в свою очередь, стала учить Димку, как вести домашнее хозяйство:

— Цветы раз в три дня поливай, мусор выноси почаще, — тарыхтела я, — питайся нормально, не кусочничай. И звони мне иногда по вечерам.

Наконец, мы расцеловались, и Димка еле

² «Летадла» — транскрипция чешского слова «самолет».

³ «Рыхлик» — транскрипция чешского слова «скорый поезд».

успел прыгнуть на перрон: красно-синие вагоны поезда были сделаны не в России, а, кажется, в Италии, и поэтому двери у него закрывались автоматически, почти, как в наших пригородных электропоездах, с той только разницей, что «отжать» их, как делают некоторые наши опоздавшие не электричку мужики, было нельзя.

Когда мы, распахав сумки по отсекам купе, переоделись в спортивные костюмы и шлепанцы и, уютно устроившись на полках, начали поглощать пирожки под грохот колес, я стала вспоминать свою первую поездку в Прагу.

Тогда я провела незабываемые и, казалось, нескончаемые часы, трясясь в «скором» поезде, направляющемся в столицу Чехии. Днем я еще развлекалась тем, что много ела, много читала и почти все время смотрела в окно. Необъятные российские просторы, несмотря на то, что вдоль железнодорожных путей повсеместно валялся разнообразный мусор, а ветхие деревянные домишки стояли «по пузо» в грязище, казались всеми покинутыми еще в прошлом веке. Давно заметила, что наши люди отчего-то предпочитают «гадить в гнезде» и при этом рассуждают в пьяных застольях о том, что в их бедности и ущербности виновато правительство, коммунисты, демократы и кто угодно, но только не они сами...

Захламленный мусором и оттого мрачный

российский пейзаж, наконец, сменил более аккуратный белорусский. Западный участок Белоруссии, граничащий с Польшей, был пропитан влиянием трудолюбивых соседей из Западной Европы: ровные квадратики ячменя, люцерны, пшеницы и картошки... Поля и луга сменяли сосновые боры, песочные отмели... И нигде не было мусора...

Перед Польшей проводница сделала нам внушение: обязательно забаррикадироваться в купе на ночь. Оказывается, что поезд идет очень медленно по одному участку Польши, и этим частенько пользуются криминальные структуры: на ходу они влезают в поезд и грабят сонных пассажиров. Причем «наводку» им дают «погранцы-таможенники», которые, проверяя документы и поклажу пассажиров, определяют, кто побогаче, и сообщают номера вагонов и купе налетчикам заранее.

Мы забаррикадировались на славу: не доверяя «замку-вертушке», я ухитрилась еще и привязать полотенцами ручку двери к полке. Ночью кто-то настойчиво дергал за ручку, поворачивал замок, но «броня» оказалась крепка, и нас не ограбили.

Еще два сильных впечатления от первой поездки на «рыхлике» в Прагу оставила Варшава. До сих пор не решу, какое из них страшнее.

В то лето сильное наводнение погрузило

столицу Польши «по колено» в воду. Самое ужасное, что я увидела все это ночью, когда воображение и так рисует все, как говорится, «в черном цвете». Пустынный, кажущийся заброшенным город: автомобили, залитые почти по самые крыши, дома с затопленными первыми этажами, безлюдные темные улицы, похожие на венецианские, только без гондол... Говорили, что за неделю до наводнения из Польши улетели куда-то все птицы. А власти проморгали этот природный «сигнал» и поэтому оказались совершенно не готовы к стихийному бедствию.

В связи с тем, что большинство железнодорожных путей было затоплено, наш поезд несколько часов мотался по запасным, обходным путям, и я лежала на верхней полке, погибая от страха, и таранилась в темный прямоугольник окна. Кругом, куда хватало глаз, была черная вода, в которой, словно бы в насмешку над людьми, отражалась огромная яркая луна. Поезд то подбрасывало, то, наоборот, куда-то кидало вниз, и я на своей полке, словно мышь в пробирке, то упиралась «лапками» в один край вагона, то буквально «стояла на голове», держась изо всех сил за поручни. Наконец, мы въехали на большой, крытый вокзал, который, несмотря на глубокую ночь, был оживлен сверх всякой меры. На перронах стояли с домашним скарбом люди, их

окружали собаки, кошки. Все были очень напуганы и стремились куда угодно уехать, только подальше от затопленного города.

Днем ситуация немного изменилась и уже не казалась такой страшной. Мы проезжали мимо затопленных полей, кое-где на крышах частных домиков стояли мужчины в трусах и резиновых сапогах. Огромными шестами они, наклоняясь, измеряли уровень воды, видимо, пытаясь определить, когда можно будет слезать и начинать восстанавливать дома и загубленные огороды.

Еще одно яркое воспоминание касается пневматических дверей на «рыхлике». Где-то уже днем наш поезд остановился в каком-то ничем не примечательном польском городке. Там должна была произойти смена машинистов: на территории Польши «за пультом» «рыхлика» русского сменял поляк. Пассажиры радостно высыпали на перрон «размять косточки», некоторые, схватив кошельки, побежали по обыкновению в близлежащие магазинчики купить что-то из еды, многие взяли с собой погулять истомившихся за сутки детей.

Проводница убедила всех в том, что остановка поезда будет не менее двадцати минут. Следов наводнения здесь не было. И все необыкновенно расслабились. А зря... Я было тоже сначала слезла на перрон, но интуиция заскребла своими коготками по моей нервной системе и я, скорее

повинуясь некоему автомату внутри себя, чем голосу рассудка, залезла снова в вагон. И правильно сделала, потому, как двери тут же захлопнулись за мной, поезд дернулся один раз, другой, и вдруг начал набирать ход.

Не могу вам передать своих эмоций. Какая-то картина абсурда: по перрону, размахивая руками и что-то крича, бегут наши «туристы» с вытянутыми от ужаса лицами, большинство из них в шлепанцах на босу ногу и в тренировочных костюмах. Проводница испуганной белкой мечется по вагону, а пассажиры, оставшиеся в вагоне, дико орут, призывая ее остановить поезд. Но она сбивчиво объясняет, что ничего не в состоянии предпринять, потому что двери автоматические, машинист — поляк, а люди сами виноваты — зачем было уходить от поезда?

Помню, что весь оставшийся вечер мы ехали в гробовой тишине. Пустые купе, пассажиры которых остались без документов и вещей в Польше, гулко хлопали дверьми на крутых поворотах. Проводница забаррикадировалась у себя в купе, боясь справедливой народной расправы. На следующей небольшой остановке в наш вагон вбежало трое всклокоченных людей. Ими оказались пассажиры из соседнего купе: художник с женой и тещей. Оказывается, они люди «бывалые», не растерялись и, увидев, что «рыхлик», предательски закрыв

двери, удаляется, рванули к пригородному поезду. Поскольку поляк-машинист совершал никому не понятные маневры — колесил среди полей то вперед, то назад, хотя дверей не открывал, вместо того, чтобы вернуться за несчастными людьми, оставленными им же на перроне, то этим трем героям удалось даже обогнать на местном поезде наш «рыхлик» и торжественно атаковать его на следующей остановке.

Как мы потом узнали, в Праге наш поезд встречали родственники тех, кто остался в Польше. Но вещи и документы им так и не отдали, и весь «арестованный» груз уехал дальше, в Германию, где и должен был начаться «разбор полетов». Уверена, что пассажиры, оставшиеся в тот день в Польше, никогда не согласятся со мной, что летать на самолете страшнее, чем «трусить» два дня на поезде.

Глава 3. Мы распаковываем чемоданы

Как я и предполагала, за время поездки мы с Маргошей благополучно справились с содержимым ее «продовольственного» баула. Марго даже немного переусердствовала, поэтому в последнюю ночь у нас были проблемы с таможенниками и пограничниками: они с

удивлением каждый раз извлекали мою подругу из благоустроенного туалета, чем вызывали бурю негодования и мощный протест последней. Мне удалось разрулить начинающийся инцидент, объяснив подозрительным чехам, что Марго слишком плотно поужинала накануне, а вовсе не прячется от пограничников.

Наконец, измученные до предела пирожками и постоянными побудками ночных таможенников и пограничников, ранним, хмурым утром мы прибыли на пражский вокзал. Моросил мелкий противный дождик. По перрону кое-где расхаживали парами полицейские. Я объяснила Маргоше, что патруль встречает каждый московский поезд из-за участившихся случаев вооруженных грабежей. Надо отметить, что «местный криминал» в то время состоял исключительно из выходцев из бывших советских республик.

Выход пассажиров из нашего вагона на перрон был осложнен тем, что к одной из пневматических дверей был намертво привязан чей-то гоночный велосипед. Может, его хозяин ехал в Германию и поэтому спал сном праведника в одном из купе (все-таки было шесть утра), а, может, он сошел на одной из остановок в Польше, и пневмо-двери закрылись, оставив его «за бортом». Кто знает... Цепь, которой был примотан к двери

велосипед, была очень внушительная, венчал ее амбарный замок. Проводница наша, как назло, куда-то запропастилась. Может быть, она была новенькой и тоже решила побродить по перрону в Польше, ну и...

Решив форсировать события самостоятельно, все пассажиры выстроились в длиннющую очередь в коридоре и очень нервничали: поезд стоял в Праге всего несколько минут, поскольку должен был проследовать в Аахен. Общее количество чемоданов было весьма внушительным, но мы с Маргошей, потрепав нервы себе и другим, все-таки справились с нелегкой задачей и наконец-то потные и злые вывалились на перрон самыми последними.

Я огляделась. Нас никто не встречал. Понятно! Лана опять проспала! Вот сколько ее помню, она никогда еще не встретила меня вовремя.

Маргоша почему-то сильно занервничала, наверное, пирожки еще «играли» в ее желудке:

— Да уж! Картина Репина «Не ждали». Нас кто-нибудь собирает вообще встречать?

— Да не бойся ты. Если и не встретит никто, я знаю, куда ехать. Не пропадем. Возьмем такси, — успокаивала я подругу.

Едва я сказала это, как вдали показалась маленькая хрупкая фигурка Ланы, бегущей по перрону. Одета подруга была, несмотря на лето, в

довольно теплую куртку и джинсы, а ее не слишком густые белокурые волосы были забраны в пучок. Как бы извиняясь за опоздание, она еще издали замахала нам рукой, а, приблизившись, натужно улыбнулась:

— Ой, девчонки, простите, еле припарковалась. Поэтому и опоздала.

И Лана затараторила о трудностях раннего пробуждения, очереди на бензоколонке, раннем звонке подруги и т. д.

— Да, ладно тебе, не оправдывайся. Проспала, небось, как всегда, — пробурчала беззлобно я.

Последовали дежурные объятия, принятые «новорусским» этикетом. Зачем его придумали, ума не приложу. Лично меня всегда раздражает, когда две дамы, ненавидя, что есть мочи, друг друга, церемонно прикладываются щечками друг к другу у всех на глазах:

— Здравствуй, дорогая! Как я рада тебя видеть!

— Привет, милая! Как дела?

Чмок-чмок...

По счастью, мы с Ланой не такие, поэтому и объятия вышколенной «пани Бабановой» я восприняла как должное.

Быстренько познакомив подругу с Маргошей, я стала расспрашивать Лану о действительной цели нашего приезда.

— Потом, потом, — отмахнулась от меня Лана и жестом подозвала носильщика, который благополучно довез на тележке наш багаж до машины.

Маргоша выпучила глаза, увидев, какой автомобиль ждет нас на парковке. Темно-синяя красавица «Mazda RX-7»! Шикарная гоночная машина, в которой пассажиры на передних сиденьях почти что лежат.

— Зачем вы столько баракла с собой притарабанили? — изумилась Лана, ворочая в багажнике наши сумки туда-сюда, чтобы багажник закрылся, — знала бы, так приехала бы за вами на «Volvo», а то, боюсь, что все авоськи и не влезут.

Ворчала она, конечно, зря. Потому как багажник у «Мазды» был весьма объемный, несмотря на то, что машинка казалась просто игрушечной.

Только мы сели, как «игрушечка» рванула с места примерно пятьдесят километров в час и понеслась по шикарной дороге, без единой выщерблены.

Сзади послышалось одобрителное побряхтывание Маргоши. Я удивилась. Похоже, подруга сейчас явно не боялась ехать, не то, что в Москве. «Наверное, просто она опасается отечественных автомобилей», — решила я про себя, а вслух произнесла:

— Марго, обрати внимание, какая красотища вокруг.

Но мне не к чему было концентрировать ее внимание. Маргоша ехала, открыв рот, и вращала головой, как флюгером. Из динамиков вырывались наружу сексуальные стоны и пение с хрипотцой Хулио Иглесиаса, машинка неслась по дорожному серпантину с идеальным покрытием, вокруг были зеленые холмы и горы.

Неожиданно, при выезде из туннеля, горный ландшафт сменил равнинный. Везде, куда только хватало глаз, простиралась неувядающая красавица-Прага, с ее узкими мощеными улочками, островерхими соборами, просторными площадями, небольшими, аккуратными домиками с красной черепицей на крышах.

Шпалерные розы повсеместно, словно сорняки в Подмосковье, свисали с заборов и изгородей. Красные, розовые, фиолетовые, оранжевые, белые, голубоватые...

Оглянувшись назад, я увидела, что Маргоша впала в какое-то каталептическое состояние, из которого смогла выйти только тогда, когда мы примерно минут через пятнадцать остановились у красивого белого особняка, обнесенного особым видом «слоеного» железного забора. У ворот стоял темно-серый «Volvo».

— Ну, вот мы и дома, — возвестила Лана и,

видимо, довольная произведенным на Маргошу впечатлением, подмигнула мне — давай, зови подружку завтракать. Вам еще нужно отмыться от дорожной пыли, а у нас программа дня весьма насыщенная. Отдыхать будете после...

Открыв массивную калитку, мы по асфальтовой дорожке подошли к дому, на крыльце которого стояла большая собачья будка. Рядом с будкой сидела совершенно индифферентная маленькая собачка породы «русский спаниель» и периодически зевала. Оказалось, что флегматик задремал, сидя на солнышке, поэтому не сразу заметил нас.

— Баксик! — крикнула я радостно.

Спаниель залился радостным лаем и принялся вытанцовывать вокруг меня, периодически подпрыгивая и стараясь лизнуть меня в руку.

— Ах, ты мой золотой, — тютюшкала я собачку, — вспомнил, Баксюша, свою верную Яну, — сколько вкуснятины я тебе скормила.

— Слава богу, ты не так часто приезжаешь, а то бы Бакс давно окошел от ожирения, — проворчала Лана, но видно было, что и она рада моему появлению.

— А где Артур и Мишаня? — спросила я.

— Они уехали отдыхать от меня и Бакса на какие-то острова, кажется, Мальдивы, но точно не скажу. Так что мы предоставлены сами себе, —

пошутила Лана. — Но времени к нас не так много, чтобы расслабляться, — загадочно добавила она.

Сказать честно, я немного расстроилась. Бедный восьмилетний Мишаня, мой крестник, уже объездил с отцом весь мир, поэтому никакие экзотические острова и дальние страны вызывали у него не детский щенячий восторг, а лишь зевоту и скуку.

— Мишка очень хотел остаться, чтобы поиграть с тобой, даже попытался симулировать грипп. Но Артур живо его в самолет запихнул, у него не забалуешь, — доложила мне «политическую обстановку» Лана.

Зная уже много лет Артура и Лану, я никак не пойму, как два таких разных человека могут столько лет уживаться вместе. Правда, они познакомились еще, когда учились в институте, поэтому первую пылкую влюбленность давно сменил размеренный темп семейной жизни. Артур большую часть жизни проводит в самолете или в гостях. А Лана спокойно кукует дома, наслаждаясь богатством и ничегонеделанием. Хотя и бездельницей ее не назовешь. Во-первых, живя в Праге, она самостоятельно, накупив учебников и самоучителей, изучила юриспруденцию, бухгалтерию и три языка (испанский, английский и чешский). Правда, как Лана рассказывала мне, семейное счастье их не коснулось в том смысле, о

котором она мечтала в юности. Но экономический показатель играет в хозяйстве немалую роль, и Лана стала закрывать глаза на то, что Артур со временем превратился в настоящего «ходока».

Кое-как проталкивая свои сумки вперед, стараясь не наступить на суетящегося у нас под ногами довольно поскуливающего Бакса, мы наконец-то вошли в прихожую, из которой открывался вид на гостиную и другие комнаты. За одной, слегка приоткрытой дверью спускалась вниз лестница, покрытая серым ковролином. Она вела в гараж, в котором стоял любимый Ланин «Самурай», а также «Мерседес» Артура и скутер Мишаньки.

Направо была дверь в большую квадратную кухню, мечту «хозяйки»: вся необходимая здесь техника, включая посудомоечную машину, была встроена прямо в кухонную «стенку». Каждая мелочь радовала женский глаз: уютные пестрые шторы, светло-бежевый кафель на полу, экзотические рыбы в большом двухсотлитровом аквариуме, смешные хомячки, возящиеся в домике-клетке, редкие цветы на подоконниках, красивая посуда и даже большой белый холодильник, стоящий особняком, весь сверху донизу обклеенный записками на разноцветных магнитиках (напоминание о походе в банк, ко врачу, в бассейн...).

Два огромных «евроокна» с разных сторон

открывали панораму сада, где росли черешня, абрикосы и даже грецкий орех; кроме сада, был виден также и кусок узкой улочки, на которой стояли точно такие же дома. Из кухни через красивую арку можно было пройти прямо в просторную гостиную с беленьким чистеньким камином, на котором было разложено множество безделушек, а также ровной стопкой лежали фотоальбомы.

На втором этаже было несколько комнат и дополнительный санузел, а на третьем располагался уютный кабинет, пройдя через который, можно было попасть прямо на чердак, где была оборудована детская игровая, слегка потеснившая сушку для белья.

Из окон спальни открывался чудесный вид на холмы и горы, покрытые зеленью, вдали блестело небольшое озеро, в котором водилась мелкая рыбешка. На меня сразу же нахлынули воспоминания... Когда Мишаньке было лет шесть, я мастерила из марли сачки, и мы ходили с ним ловить рыбку в ручейках, впадающих в это озеро...

— Так, девочки, давайте быстро умывайтесь и спускайтесь завтракать, — послышался властный голос хозяйки, вырвавший меня из лап собственных воспоминаний.

Мы с Маргошей, дружно распаковав чемоданы, быстро раскидали свои вещи по полкам

встроенных в стены шкафов и пошли смывать с себя дорожную пыль.

Войдя в ванную комнату, сверкавшую белизной, я осторожно открыла краны. Капнув немного ароматной пены в ванную, я смотрела, как вода, громко падая, образует огромные мыльные пузыри. Внезапно еще одно давнее воспоминание рассмешило меня.

Несколько лет назад, в свой первый приезд в Прагу, я была так же, как и Маргоша сейчас, ошеломлена красотой города и шикарными условиями, в которых жила моя подруга. Не зная тогда, что уровень жизни Ланы чуть-чуть выше среднего среди «новых русских», я восторженно глазела по сторонам, рассматривая части интерьера и пытаюсь что-то запомнить для применения в Москве. Времени у меня было предостаточно. Лана, привезя меня с вокзала, быстро организовала завтрак и умчалась по делам, предложив мне пока помыться с дороги и немного отдохнуть.

Привыкнув в Москве к обычным «советским» кранам, я со всего маху крутанула золоченые вензеля и, о, ужас! Вензель отломился, и из крана стала хлестать горячая вода! Секунду я стояла, как вкопанная. Потом, заорав обычное для всех времен и народов «мама!», я заметалась по дому в поисках рукоятки, перекрывающей подачу воды в дом.

В московских многоквартирных домах все

очень просто: зашел в туалет, открыл дверцу на стене за унитазом и перекрыл вентиль. А в таком роскошном трехэтажном особняке я совершенно растерялась и металась по туалетам, натыкаясь лишь на стены, сплошь покрытые кафелем.

Горячая вода, давно уже наполнив, ванную, переливалась через борт и заливала пол. Баксик, решив, что осторожность прежде всего, немедленно выбежал из дома, залез на крышу своей будки и завыл. Ничего не соображая и тоже подвывая от ужаса, я понеслась вниз, в подвал, где стоял «Титан», огромный бак с водой. Подлетев к баку, я совсем приуныла. Вентилей тут было штук пятнадцать, не меньше. Побоявшись, что перекрою что-нибудь жизненно важное, или наоборот, открою какой-нибудь газ, я вылетела на улицу за помощью. Может, кто-нибудь из соседей сможет разрулить ситуацию.

Надо сказать, что я уже успела почти раздеться, чтобы принять ванну. На мне были только трусики да майка, еле закрывающая бедра. Волосы мои были всклокочены, взгляд безумен. Стоя на крыльце, я дико вращала головой в разные стороны в надежде увидеть кого-то из прохожих: авось, повезет, и помогут. Но, как назло, на улице не было ни единого человека.

Совсем уж было отчаявшись, я вдруг заметила, что слева, на соседской территории, в

тени абрикосовых деревьев, на стуле сидит старый-престарый дедушка, укрытый, несмотря на жару, пледом.

— Сюда! Сюда! — отчаянно замахала я руками деду, — помогите! У меня краны сорвало! Вода дом заливает!

Дедушка моргнул пару раз, видно, очнувшись от забытья. Увидел меня и, поняв, что я не мираж, разумеется, испугался. Сейчас мне смешно вспоминать это, но тогда мне было совсем не до веселья.

— Да идите же вы сюда! — яростно махала я руками. — Вода! Вода!

Дед, ничего не понимая, приподнялся со стула. Вид безумной полуголой тетки, орущей что-то по-русски, видно, не вдохновлял его на подвиги. Поэтому он, по всей вероятности, решил даже прервать отдых в саду и уже засобирался домой, полагая, что русская просто пьяна, поэтому будет продолжать буйнить и все равно не даст ему спокойно подремать в тенечке.

Увидев, что «последний из могикан» собирается покинуть меня в беде, я заорала так, что дед уронил плед. Поняв, что действительно случилось что-то экстраординарное, он выпучился на меня во все глаза.

Я, неистово жестикулируя, манила его пройти в дом, заламывала руки, кричала, что случилась

«авария», словно дамочка из «Бриллиантовой руки», кричавшая «Цигель-цигель, ай, люлю». До сих пор уверена, что в тот день я выла и молила деда подойти ко мне не менее талантливо.

Наконец, старикан, вероятно, решив, что прожил достойную и длинную жизнь, решился на подвиг и засеменял мелкими шажками ко мне. Схватив добычу обеими руками, я поволокла деда в дом. Не знаю, какие чувства охватили при этом его, но мне уже было все равно. В моих руках слабо трепыхалась последняя надежда на спасение дома от наводнения.

Надо отдать старику должное. Едва войдя в дом и захлюпав тапочками по воде, он тотчас же перестал бояться меня и начал кое-что осознавать. Тем временем поток со второго этажа наполнял первый и мирно стекал в подвал, где уже было по колено воды.

Внезапно дед, словно гончая, сделал стойку. Кажется, он, наконец, понял, что мне от него было нужно. И, расправив плечи, сразу же стал шустрым, как юноша. Сиганув в подвал, он бешено заметался между кранами, потом крякнул и перекрыл один, другой... Шум воды наверху прекратился.

Пока мы с дедком шмыгали по полузатопленному дому, я все приговаривала: «Добже», «добже», хотя более бы уместными здесь

были бы слова «просим»⁴ или «дикую»⁵. Почему-то мне тогда казалось, что слово это означает «спасибо» на чешском. Провожая до двери героического деда, я все время пыталась благодарить его и повторяла, как заведенная: «добже». Наконец, дед, изумленно воззрился на меня, ухмыльнулся и тоже снисходительно произнес: «Добже».

Через несколько часов, когда я, откачав воду из подвала, уже сушила феном ковры и ковровин, Лана, смеясь, объясняла мне, что по-чешски «добже» переводится, как «хорошо». Скорее всего, соседский старикан подумал, что я обычная русская сумасшедшая, которая затопила дом и пребывает от этого в «полном мажоре», повторяя все время «хорошо, хорошо».

Глава 4. Мы узнаем о тайне «Дома Турзициных»

За завтраком мы с аппетитом поглощали

⁴ «Просим» — транскрипция чешского слова «пожалуйста».

⁵ «Дикую» — транскрипция чешского слова «спасибо».

чудесные «хоуски»^б с сыром, ветчиной, маслом и джемом, запивая их ароматным кофе. Наевшись до отвала, мы еще некоторое время продолжали сидеть в удобных плетеных креслах на открытой веранде, вдыхая полной грудью свежий воздух и наслаждаясь тишиной.

Веранда эта была построена из больших прямоугольных камней сероватого оттенка. К четырем широким каменным столбам по углам были прикреплены круглые фонари, поэтому на веранде можно было наслаждаться красотами окрестностей и вечером. Далеко впереди открывался чудесный вид на зеленый луг, спускающийся вниз к озеру. Соседские дома, покрытые красной черепицей, стояли немного поодаль, поэтому создавалось впечатление, что весь зеленый простор принадлежит Ланиному дому.

Бакс, получивший от меня самые вкусные кусочки, весело носился по шелковой траве вокруг веранды и временами издавал одобрителное «гав-гав».

Лениво потянувшись за сигаретой, Лана щелкнула золотой зажигалкой, с наслаждением затянулась и, выпуская дым, медленно произнесла:

— Ну, вот, девочки. Теперь вы немного

^б «Хоуска» — транскрипция чешского слова «булочка».

пришли в себя после «рыхлика», и я смогу, наконец, объяснить, какого рода помощи ждет от вас Алка Турзицина.

То, что Лана рассказала, сперва показалось нам полным бредом или шуткой. Но постепенно, вникая в смысл ее плавного повествования, мы поняли, что, судя по всему, нас ожидает «славный отдых».

Алла Турзицина — невероятно богатая женщина. Так уж сложилось, что почти весь огромный капитал, который сколотил за несколько лет ее муж, Роман, по документам принадлежал ей. В Швейцарии был открыт дополнительный счет, и опять же на имя Аллы. И было сделано это не только из соображений безопасности.

Чехия — небольшая страна, которая по вполне понятным причинам не желает стать «второй Москвой», «кишмя кишащей» разноплеменными криминальными личностями. Более того, чехи не стремятся к обычному перенаселению за счет иностранцев; им и так хорошо. Поэтому даже временную чешскую визу получить крайне сложно (это, разумеется, не относится к обычным туристам). Помню, как сильно я была удивлена несколько лет назад, когда узнала, что в русской школе в Праге жена украинского посла числится простой уборщицей и получает всего триста долларов в месяц, зато ей

постоянно продлевают «вид на жительство». К богатым русским чехи относятся с особым напряженным вниманием. И уж ни за что не позволят просто так скупать их недвижимость и тем более земли.

Поэтому Алкин муж, как настоящий крутой бизнесмен, придумал «хитрый ход»: развелся с ней, а потом нашел чеха-алкаша и выдал за него замуж Алку. И стала наша Турзищева называться «пани Маречкова». После этого мезальянса Алка и стала скупать земли и недвижимость, вкладывать деньги в предприятия и богатеть день ото дня. Вскоре она, кажется, тихо-мирно развелась со своим «паном Маречком», который, получив за невесту «калым» в несколько тысяч «зеленых» (по-чешским понятиям бешеные деньги), снова женился, бросил пить и даже стал строить дом.

Но не зря говорят, что «богатые тоже плачут». Помимо семейных разочарований (Роман, как и Ланин Артур, был тот еще «ходок»), Алка получила еще и сильнейший «бытовой» нервный срыв. Началось все с того, что Роману в счет какого-то большого долга досталась шикарная вилла под Прагой. Естественно, что переоформлена она была тут же на Алку, которая давно мечтала о чем-то подобном: тихом семейном отдыхе на природе в уютном местечке.

Но эта «дача», как ее упорно называла Алка,

имела какую-то нехорошую историю, поэтому радость обладания прекрасным домом была несколько омрачена. К тому же, Алка, побывав на «даче» пару раз, была чем-то сильно напугана. И теперь нам с Маргошей отводилась роль «кошек», которых запускают в новый дом для «обживания» территории. Хитрая, но суеверная Алка готова была полностью оплатить наш проезд и страшно обрадовалась, что мы не отказали.

Правда, как я поняла из намеков Ланы, дело здесь было не только в суеверных предрассудках. Естественно, Лана еще пару месяцев назад растрепала всем своим знакомым о моем успешном детективном расследовании, которое я провела с Маргошей в прошлом ноябре. И Алка загорелась желанием: во что бы то ни стало привлечь меня к изучению странных событий, происходящих на новой «даче».

— А что за странные события происходят на даче? И от кого эта «дача» перешла к Алке? — решила я прервать болтовню Ланы.

— О, — живо откликнулась та. — Это очень интересная история. Есть у Артура один старинный приятель, Вовка Гольдберг. Когда-то во времена перестройки они вместе окучивали «экономическую разруху» бывшей страны Советов. Потом Гольдберг куда-то пропал. А совсем недавно объявился тут, в Праге. Артур познакомил его с

Романом, и те затеяли какой-то совместный бизнес. Но что-то там не заладилось, и Вовка впал в жуткие долги, а «дача» эта под Прагой была у него оказывается еще давным-давно, доставшись в виде свадебного подарка от тестя, отца первой жены Гольдберга. Сейчас-то он женат на Аленке, бывшей то ли путане, то ли «эскорт-даме», но, говорят, весьма умной и изворотливой особе. В общем, тайна, покрытая мраком: брак, так сказать, основанный на любви и дружбе. — Лана лениво потянулась. — А вот в первый раз Вовану повезло чрезвычайно экономически: женился он на не очень красивой и не очень молодой израильской вдовушке с двумя детьми-подростками от предыдущего брака. Надо отметить, что отсутствие красоты жены полностью возместил его новый тесть — богатейший еврей, который дал Вовке «на раскрутку» бизнеса не один миллиончик, а в качестве свадебного подарка молодым преподнес эту самую виллу под Прагой. Куда и отправились после загса молодожены с двумя детьми.

Вскоре выяснилось, что «молодая» — большая любительница выпить. Через годик-другой она начала пить «сильно и вдумчиво» — то ли от безделья, то ли от тоски по «родным пескам», то ли накатило все вместе. Но факт остается фактом. Роза просто спивалась на глазах у изумленного Вована. Правда, видел он ее редко — обрабатывал денежки

тестя, прокручивая их в различных «делках».

Мы с Маргошей слушали буквально затаив дыхание ошеломляющие подробности из жизни новых «чешских русских». Лана тем временем продолжала:

— На вилле постоянно жили только Роза и ее двое детей: дочь Лиора, пятнадцати лет от роду, да Даниель, своенравный мальчишка, которому только-только исполнилось четырнадцать. Что уж там у них произошло на этой «даче», никто толком так и не узнал. Ходили разные слухи: то ли дети оказались наркоманами, то ли был даже случай инцеста. Хорошо известно близким знакомым стало только одно: Розу и Лиору разъяренный Вовка вывез в Америку, предварительно разведясь и большую часть жениных средств, оставшихся от развода, вложив в принудительное лечение Розы от алкоголизма. А Даниель был опрavlен в закрытый пансион для мальчиков в Швейцарию.

Вся «новорусская» диаспора в Праге знала эту печальную историю в основном со слов расстроенного Вовки, который года полтора-два не появлялся в «свете», «зализывая» душевные раны, нанесенные ему неверной супругой (некоторые сплетники шептали о шумных оргиях, устраиваемых Розой в отсутствие мужа).

Как бы то ни было, на злосчастной «даче», с которой у него были связаны воспоминания о

супружеской измене, Гольдберг жить категорически отказывался. И, несмотря на довольно активное сопротивление новой жены Аленки, все-таки продал виллу Роману (хотя, как сообщила нам Лана, самих денег никто не видел, просто был совершен какой-то таинственный «бартер», и «дача» оказалась переписана на имя обезумевшей от радости Алки).

Но, судя по всему, радовалась Алка рано. В первый же приезд на «дачу» со всем своим семейством (у них с Романом две дочери: Оксана и Даша, двенадцати и пятнадцати лет) случилось странное событие. То ли дом с закрытыми ставнями долго не проветривался, то ли причиной всему была вегето-сосудистая дистония, которой Алка страдала с четырнадцати лет, но, факт остается фактом: не пройдя и десяти шагов по комнате, Турзищина грохнулась в обморок. Испуганные Роман и дочери перенесли ее на огромный диван, распахнули все окна и плеснули ей в лицо холодной воды. Придя в себя, Алка испуганно прошептала: «Я боюсь здесь жить. Поехали домой».

Правда, час спустя она уже расхаживала вместе с детьми и мужем по лужайкам рядом с домом и, казалось, наслаждалась красотой огромной территории, теперь принадлежащей ей. Но ночью она опять свалилась в обморок, когда пошла на кухню попить воды. Объяснить ничего

толком она не могла, но видно было, что Алка чем-то очень сильно напугана: глаза ее лихорадочно блестели, руки тряслись, спать она не могла, а через полчаса стала плакать и умолять мужа отвезти ее домой. И Роман, плюнув на все, прямо ночью посадил сонных детей и дрожащую мелкой дрожью Алку в свой «Джип» и рванул обратно, в Прагу.

Отлежавшись в своей уютной пражской спальне пару дней, Алка приехала к Лане и стала нести какую-то ахинею о доме с привидениями. Несмотря на то, что Лана старалась перевести разговор в шутку, Турзищина упрямо твердила о том, что у дачи плохая карма, и сказала, что хочет попросить священника освятить дом. Прошло еще несколько дней. Дом освятили, но Алка по-прежнему наотрез оказывалась ехать туда. Из-за этого начались скандалы с Романом, который орал, что не намерен потакать глупым бабьим страхам.

В общем, «дача» не хотела приживаться в огромном хозяйстве Турзициных, и Алка уже было подумывала ее перепродать, как случайно услышала от Ланы, что я поймала убийцу в Москве и вообще получила лицензию на сыскное дело.

— Вот и пусть Яна срочно приедет и проведет частное расследование, — потребовала Алка.

— Какое еще расследование? — удивилась было Лана.

— Ну, не расследование, а пусть немного «обживет» дом, а потом и я подъеду. Если она скажет, что там все нормально, подарю ей кучу подарков и отправлю ее обратно в Москву, — пообещала Турзищина.

Видно, страхи ее были так велики, что ее даже не смутило, что я собираюсь взять с собой Маргошу.

— Супер! Пусть едет с подругой. Мне же проще — не надо развлекать ее. Пусть они вдвоем и проживут там немного. А мы с тобой будем их навещать. Вызывай их скорее, — потребовала Алка... Я все оплачу!

— Вот так вы и оказались в Праге, — закончила «доклад» Лана, — «пани Маречкова-Турзищина» хочет запустить вас, словно кошек, в новый дом. Ну а вы-то как, согласны?

— Да не вопрос, — со смехом ответила я. «Бывают же такие дуры, — подумала я про себя, — есть шикарная вилла, а она там жить боится! Ну, ничего, мы с Маргошей и не с такими трудностями справлялись».

Эх! Если бы я знала, что совсем скоро мне будет не до смеха, то, наверное, попросила бы Лану отвезти нас сразу после завтрака на вокзал и посадить в поезд, идущий в Москву. Но тогда и у меня, и у Маргоши в голове сидела только одна

общая мысль: скорее ехать на виллу и хоть немного пожить «миллионершами».

Глава 5. Прогулка придает нам сил

После завтрака я решила показать Маргоше окрестности. И, поскольку отъезд на «дачу» решено было отложить до утра, мы пошли на «прохазку»⁷.

К поездке следовало подготовиться, как следует. Во-первых, закупить побольше продуктов. Этим с энтузиазмом и занялась Лана, не доверяя нам, россомхам. Оседлав «Volvo», она порысила по магазинам. А во-вторых, с утра должна была подъехать Алка, чтобы сопроводить нас на свою виллу, а также познакомить с семьей садовника, который ухаживает за домом и прилегающей к нему территорией.

Довольные тем, что нам предстоит пожить на роскошной вилле, мы с Маргошей, чтобы сразу не уснуть после завтрака, не спеша, двинулись по окрестностям.

Пройдя по асфальтовой неширокой дороге меж стоящих с обеих сторон особнячков с красной черепицей, мы вышли на широкий зеленый луг, с которого открывался чудесный вид: круглое озеро,

⁷ «Прохазка» — транскрипция чешского слова «прогулка».

расположенное в низинке, за ним пирамидальные тополя, небольшие рощицы, состоящие из каких-то высоких кустарников. Вдали виднелись холмы и горы, покрытые ковром из зелени.

— Да уж, — затянула свою обычную песню Маргоша, — красотища какая, и почему мы живем не здесь, а в пыльной и душной Москве?

— И не говори, — подключилась я не совсем патриотично, — самое удивительное, что все это зеленое великолепие вместе с холмами, реками и горами — не далекая горная деревушка, а «Злата Прага», столица Чехии, официально признанный центр Европы. Ты, Маргош, наверняка не знаешь, что «золотой» (на самом деле медный) средневропейский меридиан на Староместской площади в Праге в средневековье использовался для измерения времени. Кстати сказать, существует поверье, что, встав на этот меридиан, человек может загадать желание, и оно обязательно исполнится...

— Тогда почему мы гуляем здесь, а не по этому самому меридиану? — досадливо проворчала Маргоша.

Идя по узкой «проселочной» дорожке, покрытой песком и галькой, скоро мы оказались в небольшой деревеньке, дома которой разительно отличались от богатых особняков, мимо которых мы только что проходили.

— Наверное, это летние дачи, — предположила Марго.

— Скорее всего, здесь просто живут бедные чехи, которые скоро переселятся в новостройки. Гляди, какие многоэтажки вон там, — я обратила внимание подруги на огромные четырнадцатизэтажные здания, стоящие полукольцом метрах в двухстах от нас.

— Во как! Прямо, как на окраине Москвы, — подивилась Маргоша, — помнишь, при выезде на «Минку» из Москвы точно так же вперемешку с высотками стоят маленькие унылые деревянные домишки, которые преимущественно сдают внаем «лицам кавказской национальности»?

Тем временем дорожка круто сбегала вниз, и мы с трудом удерживались, чтобы не упасть. Когда же мы наконец спустились в лощину, я показала Маргоше рукой вправо и сказала:

— Надеюсь, что смогу тебя скоро удивить.

Через шагов двадцать мы вышли на шикарно заасфальтированную узкую дорожку, на которой временами попадались «лежащие полицейские», специальные надолбы, заставляющие водителей притормаживать, чтобы не испугать или, не дай бог, задавить гуляющего пешехода.

Здесь я должна обязательно отметить, что в Чехии пешеход вообще — главное лицо автодорог. С ним по вредности и по значимости может

сравниться лишь велосипедист. Велосипедное движение в этой стране, едва ли равной по площади Москве и области, развито, с моей точки зрения, сверх меры. Крутят педали буквально все, кому не лень — от семи до девяносто семи лет. Причем велосипедисты предпочитают ездить либо в крайнем левом ряду, либо болтаться между машинами. Если бы в Москве кто-то из чешских велосипедистов и отважился ехать по автодороге, то, думаю, он проехал бы всего несколько метров, а дальше...

А на чешских автобанах, особенно на узких горных дорожках можно часто видеть, как одинокий престарелый велосипедист в бейсболке с превеликим трудом накручивает педали в горку, а за ним, словно в мультфильме, трясутся от нетерпения несколько гоночных шикарных автомобилей. Видимо, проклиная этого злосчастного старикана на самом деле, они боятся испугать его, чтобы он не свалился им под колеса. Но уж когда дедушка влезает в горку, собрав за собой не один десяток машин, то на прямой дороге они тут же с визгом обходят его на предельной скорости.

В Чехии закон разрешает пешеходу жаловаться в полицию на водителя, который напугал его, скажем, «подрезал» на переходе. И водителю придется объясняться в полиции и

выплачивать штраф, а иногда и компенсацию за моральный ущерб зловредному пешеходу. А уж если водитель — иностранец (особенно русский!), то его могут выслать по жалобе какого-нибудь подвыпившего чеха-пешехода из страны в течение двадцати четырех часов, причем, без права вернуться в страну: заносят данные в компьютер — и все, пипец!

Поэтому никогда ни один водитель в Праге не рискнет ехать прямо, увидев невдалеке пешехода, который собирается перейти улицу. Дураков нет! Сначала пусть прошкандыбают пешеход.

И горизонтальные асфальтовые столбики с желтыми полосками прилеплены на дорогах совсем не для того, чтобы водитель мог, разогнавшись, как следует, подпрыгнуть вместе с машиной и поймать кайф. Нет, такое возможно разве лишь в Москве. А в Чехии — цивилизация. Все соблюдают и чтут законы.

Мы с Маргошей степенно шли по асфальтовой дорожке, которая все время петляла из стороны в сторону. Сверху нависали скалы, кое-где заросшие кустарником и травой. Вдоль дороги журчал прозрачный горный ручеек с каменистым дном. На протяжении всего пути нам попалась лишь влюбленная парочка, что придавало нашему путешествию некое сказочное очарование. Маргоша шла, задрав голову и приоткрыв рот от

восхищения.

— Маргош, — решила я вернуть подругу в реальность, — как ты считаешь, Алкины обмороки и страхи — это случайность или ее действительно кто-то сильно напугал на «даче»?

— Да кто его знает, — задумчиво пробормотала Марго, — все может быть. Вот поедем завтра и все сами увидим.

— Как-то странно все-таки, что взрослая тетка, мать двоих детей и вдруг боится оставаться на собственной шикарной вилле, — не унималась я.

— Ну, положим, не совсем собственной, — парировала Марго, — она ей только недавно досталась, ведь домом раньше владел старый еврей, а потом его зятек, Вован Гольдберг, похоже, тот еще типчик. Услал куда-то к черту на рога жену и двоих детей, потом развелся и женился на молоденькой профурсе.

— А ты, конечно, считаешь, что он должен был обручиться с пенсионеркой? — засмеялась я. — Ой, наконец-то дошли, — смотри, дорогая, тыходишь в сказку.

Сказав это, я взяла Маргошу под руку и повела сквозь кусты влево. Теперь мы шагали по совсем узенькой тропочке меж скал, на которых отсутствовала какая-либо растительность. Внезапно тропочка сделала крутой поворот вправо, и глазам нашим предстало настоящее чудо. В окружении

высоченных голых скал сияло изумрудной чистотой настоящее горное озеро. Картина была столь прекрасна и неожиданна, что Маргоша, осев на огромный валун, взвыла:

— Ох-хо! Ну ничего себе! Вот это да!

— Между прочим, это настоящее озеро ледникового периода, — поспешила я заметить. — Сохранилось с тех самых пор. И рыба в нем есть.

— Хочу замуж за чеха. Срочно! — заголосила Маргоша и топнула ножкой, — мне абсолютно все равно, пусть будет алкаш, идиот, лишь бы жить в Праге и наслаждаться такой красотой.

— Все в твоих руках, дорогая, — засмеялась я, — только не думай, что будешь целыми днями любоваться красотами природы. Тебе придется работать с пяти утра, а потом прибегать домой в два и весь оставшийся вечер вертеться у домашнего очага и ублажать мужа, который будет наливать с друзьями пивом и приползать домой на брюхе. А в девять-десять добропорядочные чехи уже спят в своих кроватках.

— Тогда хочу за миллионера! — не унималась подруга.

— Тут, милая моя, тоже небольшая проблемочка: все «миллионеры» давно расхватаны длинноногими гарпиями или богатыми наследницами.

— Ужасная несправедливость.

— Да уж... Но это с какой стороны посмотреть... Мне вот, например, ни за какие коврижки «новый русский» не нужен. Где богатство, там и слезы... Ты что же, считаешь, что их жены счастливы? Да ничего подобного. Только делают вид. Вон, посмотри на Лану или Алку.

— А что, по-моему, здорово живут.

— Это только на первый взгляд. А если присмотреться, то мужья-то погуливают, а женам грязные рубашки в лицо кидают. А некоторые скупердяи даже за мороженое чеки требуют. Да вон и Алку даже вилла не радует, — вновь переключилась я на интересующую меня тему.

— А может быть, она действительно что-то увидела там страшное...

— Или кого-то. Ладно, разберемся, а пока пошли-ка обратно, а то Лана, наверное, уже вернулась из магазинов и волнуется, недоумевая, куда мы пропали.

Возвращались мы немного другой дорогой. Я, хорошо зная эти места, решила «добить» Маргошу уже окончательно. Едва мы выбрались из небольшой сосновой поросли, растущей по склону горы, как перед нами раскинулось огромное маковое поле. Лениво покачивая головками от легкого ветерка, тысячи красных цветов словно шептали нам: «Оставайтесь с нами, ну куда вы идете? Отдохните. Поспите». Глаза начали сами

собой закрываться. Внезапно я вспомнила, как в детстве читала «Волшебник изумрудного города» и очень переживала, когда сказочные путешественники заснули именно на маковом поле, и если бы их не вытащили оттуда Страшила и Железный дровосек, то они наверняка бы погибли от дурмана.

Увидев, что Маргоша, позевывая, снимает свою летнюю курточку и собирается расположиться на отдых прямо посреди поля, я возмутилась:

— Ты что, с ума сошла?! Это же маковое поле! В некотором роде наркотик. Немедленно пошли домой.

— Ну, вот так всегда, — разочарованно закричала Маргоша, — ни тебе миллионеров, ни тебе прилечь отдохнуть. Все время только «пошли», «давай», «поехали»...

— Разрешаю тебе нарвать небольшой букет, хотя это и запрещено здесь. Да и маки сразу завянут.

— Во как! А почему рвать цветы тут запрещено? — удивилась подруга.

— Здесь заповедная зона, и люди приходят сюда любоваться природой, а не истреблять ее.

— С ума сойти!

— Да, это тебе не загазованная Москва, где уже даже вороны стали редкостью. Чехи бдительно охраняют свою родину. Но все же ты должна

почувствовать, что не все прекрасное отдано другим. Поэтому сорви несколько маков и утешься. А Лана, наверное, расстаралась и накупила кучу разной вкуснятины. Сейчас придем домой и устроим пир на весь мир. Пошли, Маргоша, и не забывай, что с завтрашнего утра ты снова «сержант Пучкова»⁸. От нас ждут здесь помощи, а не детских визгов на лужайке.

Глава 6. Сборы на дачу

Я не ошиблась: действительно по приходу домой нас ожидал шикарный стол. Лана расстаралась на славу. Были здесь и различные мясные и рыбные деликатесы, и салаты, и рыба в кляре, и жюльены, и прекрасные свежие овощи и фрукты, и десерт, состоящий из многочисленных пирожных и сладостей. Но наиболее сильное впечатление на Маргошу произвел все-таки «сырный стол». На огромном вращающемся мраморном блюде в листьях сиреневого чешского салата было разложено более десяти сортов

⁸ «сержант Пучкова» — так в повести «Долг шантажом красен» Яна Быстрова стала называть Маргошу после того, как они тайно купили милицейскую форму и, переодевшись в нее, допрашивали таксиста, «первого свидетеля».

дорогущего экзотического сыра, и каждая из нас специальным сырным ножом отрезала понравившийся кусочек и смаковала его по всем правилам. Правда, вина мы не употребляли, поэтому благополучно вместо него потягивали натуральные соки из хрустальных бокалов.

В разгар импровизированного пира приглушенно заиграл вальс Штрауса. Мой мобильник, который я забыла в сумке, разрывался, подавая своей бестолковой хозяйке сигналы.

Я схватила трубку, тяжело дыша.

— Алло!

— Яна Владимировна?

— Да, это я.

— Дмитрий Владимирович Быстров — ваш супруг? — железный мужской бас сурово спрашивал меня.

— Да, — замирая от ужаса, ответила я. Боже. Что-то случилось с Димкой?!

В трубке что-то резко зашуршало и раздался знакомый злой голос:

— А тогда какого черта ты не сообщаем ему, что доехала до Праги?

— Димочка! Извини! Мы так устали. Я совершенно потеряла голову и счет реального времени, — начала неловко оправдываться я.

— Я звоню тебе все утро, а ты не берешь трубку, я уже хотел подключать Олега

Соловьева, — раздраженно выговаривал мне муж.

— Димочка, миленький, ну, прости, пожалуйста. Я теперь буду регулярно звонить тебе каждый вечер после одиннадцати, договорились?

— Ладно, смотри у меня, — пригрозил Димка. — Не будешь звонить, сам приеду.

— Давай, давай. Нам чем больше народу, тем лучше, — радостно затараторила я. — Мы завтра уезжаем на новую Алкину дачу под Прагой. Шикарная вилла, говорят. Надо обжить дом, а то она суеверная.

Тут я краем глаза увидела, что Лана и Маргоша показывают мне пальцем у виска и закатывают глаза.

— Что значит «обжить»? — насторожился тут же Димка.

— Ну, понимаешь, — лихорадочно начала врать я, — Алка — дама суеверная, дачу она купила у других людей, а я и Маргоша по гороскопу кошки, вот она и решила пригласить нас пожить на ее даче, а они с Ланой будут к нам частенько приезжать. Ну, мы как бы «обживем» для нее фазенду.

— Надеюсь, что это не опасно? Где находится дача? — зудел встревоженно Димка.

— Да километрах в восьмидесяти от Праги, там, говорят, очень красиво. Дача, между прочим, снабжена охранной сигнализацией и подключена к

пульту в полиции. Так что не волнуйся, дорогой. Все будет нормально. Мы позвоним, как приедем и разберем вещи.

Успокоив кое-как супруга, я пообещала ему звонить регулярно и нажала на рычаг «отбой».

Подруги уставились на меня с нескрываемой издевкой:

— Ну, ты и дубина, дорогая, — начала Лана, — зачем ты мужа испугала до полусмерти? Что еще за «обживание» чужой дачи? Ты с ума сошла?

— Но ведь это правда, — стала робко оправдываться я.

— С ума с ней сойти можно! Ну, зачем же мужу правду говорить? — вполне искренне удивлялась жена «нового русского». Так можно невесть до чего договориться.

— У меня от Димки секретов нет, — обиделась я. — Между прочим, в прошлую детективную историю именно муж спас меня, поднял на ноги всю милицию. А я от него, дура последняя, скрывать все пыталась...

— Ну, ладно, дорогуша, — смилостивилась Лана, — давайте потихоньку собираться на боковую. — Я вам тут прикупила кое-какие вещи для дачи, пойдите на второй этаж в Мишанькину комнату и разберите. Продукты я уложу сама. Надо пораньше лечь спать. Завтра Алка приедет в семь

утра.

— Почему так рано? — удивилась я.

— Она Ромке скажет, что ей ко врачу, анализы сдавать.

— Она что, не хочет, чтобы Роман знал, что мы туда едем?

— Ну, как тебе сказать, — протянула Лана, — не то, чтобы не хочет, но пока она считает нужным держать все в секрете. То есть, чтобы об этом знали только мы вчетвером. Она сама вам все объяснит на месте. Все. Идите, отдыхайте.

Мы с Маргошей послушно поплелись на второй этаж. Там мы обнаружили несколько объемистых пакетов с массой самых разнообразных вещей: несколько коробок со свечами, разноцветными и маленькими, «долгоиграющими», в металлических плошечках, пару фонариков на батарейках, огромную банку с цветными спичками, компас, два перцовых баллончика (бестолковое и иногда «бумеранговое» оружие против грабителей: можно запросто прыснуть в лицо врагу, а из-за ветра получить весь перец себе же в глаза; некоторые сразу прыскают прямо себе в лицо, ничего не соображая от страха). На дне одного из пакетов я увидела знакомую коробку с электрошокером. Свой я не повезла через три границы, побоялась, что отнимут. Но Лана-то какова! Нас что, действительно отправляют на

«разведку боем»?

Маргоша тем временем, роясь в другом пакете, выудила наружу две пары прекрасных белоснежных кроссовок и восхитилась:

— Смотри, Янка, какие классные кроссовочки! Нам с тобой никогда такие не купить! Наверное, жутко дорогие!

— Интересно, а альпенштока там нет? — съязвила я, — или бензопилы?..Согласись, довольно странный набор для «дашниц»: баллоны с перцем, электрошокер, компас, кроссовки... Интересно, что мы еще тут найдем?

Но остальное содержимое сумок успокоило нас. В пакетах лежало еще только два дождевика-ветровки, пара огромных шорт цвета хаки с резинкой на поясе, парочка бейсболок такого же оттенка, несколько пар носков и пара футболок «Adidas». В отдельно стоящем маленьком салатом пакетике с крестом посередине было полно медикаментов, начиная с розового спрея, заменяющего чехам йод (кстати, абсолютно безвредный антисептик: его любят дети, потому как он «не жжется», а также отлично заживляет ранки и порезы) и заканчивая гигиеническими прокладками.

«Такое впечатление, что веселое путешествие может обернуться в серьезное задание», — подумала я и с тревогой посмотрела на Маргошу.

Но счастливая подруга уже нацепила

бейсболку, майку, шорты и кроссовки и, старательно втягивая живот, красовалась перед большим овальным зеркалом, встроенным прямо в стену.

— По-моему, нам следует не только «обжить» дачку, но и позаботиться о моем личном счастье, — проворковала она, — ты-то замужем, а у меня, можно сказать, такой шанс только намечается. Молодец, Лана! В этом я смотрюсь просто обворожительно!

С моей точки зрения, Маргоша в данном «прикиде» напоминала пожилую американку, которая к выходу на пенсию немного накопила денег и решила посетить косметолога для омоложения, а заодно и Чехию для получения положительных эмоций. Но вслух я произнесла лишь:

— Маргарита! Будь немного серьезнее. Ведь не зря же нам дали электрошокер. Надо меньше внимания уделять шмоткам и побольше нашему спецзаданию. Извини, но ни одна «миллионерша» ничего даром делать не будет. Уж я-то их хорошо знаю. Здесь дело, видно, не чисто. Что-то от нас хотят, какой-то помощи, а вот какой?

— Это нам предстоит узнать завтра, — подытожила Маргоша, снимая обновки. — А сейчас мы будем баиньки. Ладно, пойду почитаю немного перед сном. Спокойной ночи.

И она гордо удалилась, предоставив мне запихивать обратно в пакеты все вещи.

Как ни странно, но я заснула сразу, едва лишь голова прикоснулась к подушке. Видимо, сказался железнодорожный «перегон», длившийся почти двое суток. Свежий воздух Чехии успокоил нервы, и мой измученный международным переездом организм вырубился до утра.

Глава 7. Мы едем, едем, едем...

Рано утром, когда солнце еще только-только начало выглядывать из-за вершук высоченных столетних елей на вершине горы, расположенной невдалеке от поселка, мы были разбужены яростными автомобильными сигналами. Пани Турзицина немилосердно жала на клаксон своего изумрудного «BMW» и требовала всеобщей побудки. Гнева возмущенных чехов она нисколько не боялась — большинство из них давно уже было на работе аж с пяти утра. А наш гнев праведный предполагала заглушить подарками.

И действительно, сувениры были потрясающие. Маргоше досталась огромная, практически безразмерная, ночная рубашка из тончайшего хлопка с ручной вышивкой. Мне же, как уже давней знакомой, Алка вручила невероятно красивое нижнее белье из черного шелка, расшитое

кружевами, а также очень дорогие, коллекционные, духи.

Увидев, как Маргоша засопела, пытаюсь справиться со здоровой завистью, я подмигнула ей:

— В следующий приезд сюда получишь тоже что-то очень экстравагантное и дорогое. Главное, тебя уже авансировали ночнушкой(кстати, уверена, что коллекционной!), теперь старайся. Алка любит одаривать своих помощников. Но и спрос у нее — ого-го какой! Так что не расслабляйся. Хотя вся тяжесть выполнения задачи ляжет на меня.

Пока мы с Маргошей суетливо паковали вещи, Алка и Лана пили кофе и курили на веранде. После легкого завтрака мы все стали садиться по машинам.

Решено было, что я и Баксик поедem с Ланой на ее «Мазде», а Алка повезет Маргошу на «Бимере», так сказать, для более близкого знакомства и раздачи ценных указаний.

Увидев, что Лана тащит огромный мешок с «Royal Kopin» и запихивает его в багажник, я удивилась:

— И что, Баксыра все это съест?!

— Надеюсь, что свежий лесной воздух вызовет у него здоровый собачий аппетит. И если ты не будешь ему все время подсовывать лакомства, то он и «конину» одолеет.

— Здорово все-таки, что ты решила нам

отдать Бакса, — обрадовалась я.

— Конечно, нужно, чтобы кто-то создавал там видимость охраны, — ответила подруга, — а Бакс очень звонко лает, тем более, что он там уже был и прекрасно знает, что нужно охранять территорию. Только умоляю тебя, не перекармливай его, а то лишитесь охранника, поскольку Бакс все время будет дрыхнуть на диване.

Баксик тем временем, опасаясь, что его случайно забудут дома, все время, пока мы таскали в машины вещи, беспрестанно сновал туда-сюда и отчаянно мешался у нас под ногами, пока, наконец, Лана не упала, споткнувшись об него. Тогда она, крепко выругавшись, закинула спаниеля в машину. Тот, не обращая никакого внимания на гневные попреки хозяйки, радостно виляя хвостом, угнезвился на заднем сидении «Мазды», довольно зевнул и свернулся клубочком, как бы показывая всем своим видом: «Так-то! Могли бы и раньше догадаться, глупые гусыни».

Наконец мы расселись по машинам и тронулись в путь...

Если сначала я еще довольно сносно ориентировалась на местности и понимала, куда мы едем, а именно, что выехали мы из Праги и движемся по шикарному автобану в сторону достославного города Брно, то после того, как Лана несколько раз свернула направо, потом примерно

столько же налево, голова у меня закружилась, и я перестала следить за дорожными указателями. Правда, один раз, кажется, мелькнула табличка, на которой было написано, сколько километров до «Ческе-Будеевице», но, может быть, мне это просто показалось, так как ехали мы довольно-таки быстро, и я в конце концов решила расслабиться и просто любоваться красивым видом из окна. Иногда на прямых участках автобана Лана, вцепившись в руль, хвастливо шептала мне:

— Нет, ты только посмотри на спидометр!

И я, увидев на приборе стрелку, дрожащую у цифры 250, никак не могла взять в толк, что мы просто летим, а не едем. Для верности, посмотрев в окно, я увидела, что вокруг нас с обеих сторон простираются зелено-изумрудные поля. Но, поскольку никаких деревьев в полях не было, то и понять, что скорость действительно очень высока, я так и не смогла.

Надо сказать, что в Чехии очень вежливые водители. На всех дорогах они всегда пропускают более «навороченные» марки автомобилей, чтобы не прерывать скорости последних и не обламывать «шумахерский» кайф. И делают они это заранее.

Увы, представить, что наш российский мужик в кепке на старых раздолбанных «Жигулях» посмотрит в зеркало заднего обзора и уступит иномарке, у меня не хватило воображения. Скорее

всего, если россиянин и сделает это, то только лишь потому, что сзади на его багажник будет «наседать», постоянно сигналив, какой-нибудь «Лендровер», «Лендкрузер», «Лексус» или черный «Мерседес-бенц» с галогеновыми выпученными фарами. Вот тогда, пожалуй, водитель еще уступит дорогу, опасаясь, что в его затылок могут пустить пулю разозленные «братаны». Но чтобы достигнуть европейской культуры вождения, увы, должен смениться не один десяток поколений российских автолюбителей. Потому что слишком немногие наши туристы водят автомобили за рубежом и учатся на практике правилам вежливого вождения.

Скоро Лана смилостивилась и стала ехать с «нормальной» скоростью — примерно сто пятьдесят километров в час. Минут через пятнадцать нас догнала раскрасневшаяся Алка, которая являла собой пример водителя-новичка, поэтому не могла даже и подумать о развитии скорости, подобной нашей. Мы покатали «паровозиком».

Примерно через час после выезда из Праги мы проехали указатель со смешным названием «Початки». Я решила проверить по атласу и еще больше развеселилась, прочитав некоорые названия селений. Особенно меня озадачило слово «Прахатице». Мой папа бы, чтобы запомнить навсегда, переименовал бы его в «Перхотицу» или